
“Русский европеец” Э.В. Ильенков и западный марксизм

А.Д. МАЙДАНСКИЙ

В работе прослеживаются исторические и логические взаимосвязи философии Ильенкова с западным марксизмом, а также направления ее современной рецепции на Западе. Особое внимание уделено точкам пересечения и расхождения Ильенкова с Лукачем и школой делла Вольпе.

The paper traces the historical and logical relationships between philosophy of Ilyenkov and Western Marxism, as well as the directions of its modern reception in the West. The special attention is paid to the points of intersection and divergence of Ilyenkov with Lukács and della Volpe school.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ильенков; диалектика; диалектическая логика; противоречие; конкретные абстракции; марксизм; Лукач; Коллетти.

KEY WORDS: Ilyenkov; dialectics; dialectical logic; contradiction; concrete abstractions; Marxism; Lukács; Colletti.

По делам своим и по устремлениям души Э.В. Ильенков принадлежал к породе “русских европейцев” – людей европейски мыслящих, но при этом не являющихся “западниками” в тесном смысле слова. Магистральные линии развития современной западной, неклассической философии он считал тупиками мысли. Европейцем его делает не готовность принять и перенять идущий с Запада “свет”, ex occidente lux, но – по-кантовски неуемный дух критики и самокритики в сочетании с обостренным чувством уважения к человеческой личности, к ее труду, разуму и культуре.

Названный древнегерманским именем Эвальд, Ильенков с детства тяготел к западно-европейской, больше всего – немецкой, культуре. Его герои – Спиноза, Гегель и Маркс, в музыке – Рихард Вагнер¹. Его настольной книгой был оруэлловский “1984”, – этот запрещенный в Советском Союзе роман Ильенков называл “шедевром” и перевел его для себя с немецкого издания. Философия Ильенкова наследует проблематику западной философской классики и насквозь пропитана ее духом, ее *логикой*.

Западная философия своими лучшими достижениями обязана тому, что соблюдала завет Спинозы: не плакать, не смеяться и не проклинать, но понимать. Русская философия пренебрегала этим императивом, культивируя эмоциональное восприятие мира в ущерб

логическому мышлению. В отвлеченнейших конструкциях немецкого идеализма русские философы “чуяли запах крови” (Белинский). Теория познания всегда была лишь служанкой религиозно-этических и общественно-политических доктрин.

Ильенков с самого начала своих философских штудий движется против течения. Делом его жизни была Логика (это слово он любил писать с большой буквы), понятая как наука о законах мира идей, или “диалектика идеального”. В центре же всей философии Ильенкова – *личность* как непосредственная, конкретная действительность идеального: “индивидуально выраженное всеобщее” [Ильенков 1984, 356].

Не удивительно, что представители официального русского издания марксистской философии – “диамата” – считали Ильенкова крамольником. А вот западные марксисты поначалу приняли его как родного. Пальмиро Тольятти (лидер крупнейшей западной компартии, итальянской) и Тодор Павлов (директор Института философии и президент Болгарской Академии наук) открыто вступились за Ильенкова, узнав о его изгнании из МГУ за гносеологическое “извращение” предмета философии². Первая же статья Ильенкова [Ильенков 1955^a] была немедленно переведена на итальянский язык [Ильенков 1955^b]. В письме руководству журнала “Вопросы философии” секретарь Общества культурной связи с Советским Союзом доктор Умберто Черрони сообщал, что итальянские философы Г. делла Вольпе, Л. Коллетти, Дж. Пьетранера хотели бы ознакомиться с другими работами Ильенкова и вступить в переписку с автором.

“Особый энтузиазм” (как выразился Черрони) в отношении работ Ильенкова финский исследователь Веса Ойттинен объясняет надеждами итальянских марксистов на десталинизацию Страны Советов, а также поисками союзников в борьбе против стилизации марксизма под “экзистенциальный гуманизм”, начавшейся после публикации “Парижских рукописей” Маркса. Расхождения, однако, оказались слишком велики. Философы школы делла Вольпе “желали развивать негегельянскую версию марксистской философии. Такая позиция едва ли примирима с гегельянской установкой Ильенкова, который не только не отвергал диалектику, но стремился сделать ее главным средством реформации марксизма. Таким образом, Делла Вольпе и Ильенков оба двигались прочь от диамата, но, к сожалению, в разных направлениях. Эти два критических течения в марксистской философии были несовместимы” [Ойттинен 2005, 228].

Ближе других западных марксистов к позиции Ильенкова стоял Дьёрдь Лукач. Ильенков в соавторстве с двумя своими студентами напишет восторженную рецензию на книгу Лукача о молодом Гегеле [Зейдель, Ильенков, Науменко 1956, 181–184]. Эту книгу они сообща перевели на русский язык, и вскоре глава об экономических взглядах Гегеля в йенский период была напечатана в “Вопросах философии”. Чуть ранее они написали письмо Лукачу, прося разрешения опубликовать свой перевод и интересуясь его мнением о соотношении понятий *Entäußerung* и *Entfremdung*.

Полгода спустя, осенью 1956 г. случится венгерское восстание. Лукач был министром культуры в правительстве Имре Надя, поэтому публикация его работ на русском языке сделалась невозможной. Новую попытку перевода книги Лукача о Гегеле Ильенков со товарищи предпримут через 10 лет, но при жизни Ильенкова и этот второй перевод не увидел свет [Лукач 1987].

Один из участников того проекта, С.Н. Мареев, написал монографию, в которой прочертил в истории советской философии линию “творческого марксизма” от Лукача до Ильенкова [Мареев 2008]. В понимании категорий диалектики у них действительно много общего. Оба философа считались “гегельянцами” и противостояли вульгарным течениям в марксизме, за что подвергались идеологической травле. Мареев, однако, упускает из виду, что взгляды Ильенкова и Лукача на предмет философии различаются самым кардинальным образом. Философия Лукача всегда выходила далеко за рамки логики и теории познания, о чем “поздний” Лукач заявит открыто: “В последние века в философском мышлении господствовали теория познания, логика и методология, и это господство еще далеко не ушло в прошлое”, – сетовал он, апеллируя к Гуссерлю, Шелеру и Хайдеггеру в доказательство “неизбежности обращения к онтологии при решении мировых проблем” [Лукач 1991, 34–35].

Ильенков “онтологию” на дух не переносил, и само различие онтологии и гносеологии считал мнимым. Оно покоится на представлении о разности законов мышления и бытия – о том, что реальность так или иначе искажается, преломляется в “зеркале” разума, если воспользоваться метафорой Ф. Бэкона. Ильенков же отстаивал материалистический принцип “тождества бытия и мышления”. Любое отношение *мысли к действительности* представляет собой не что иное, как идеально выраженное отношение *действительности к самой себе*. Причем не действительности “вообще”, о которой рассуждают онтологи, а реальности конкретно-исторической – “общественного бытия”.

Под видом “всеобщих законов” *бытия* философами изображаются абстрактные схемы собственного, исторически ограниченного *мышления* или же наличные схемы *мышления* современной науки. В первом случае философ не идет дальше “эгологических” спекуляций, а во втором – превращается в альфонса, живущего чужими идеями и подражающего образу мысли физиков и математиков со всеми их иллюзиями и предрассудками. Эти две философских труппы можно условно назвать “линией Гуссерля” и “линией Конта”.

Экономическая наука, критика политической экономии – такова *Марксова* “онтология общественного бытия”. Взгляд на общественную жизнь через “очки философа” для марксиста – шаг назад, нисхождение от конкретного к абстрактному, уход от “науки истории” в сферу “идеологии”. В глазах Ильенкова *онтология есть патология диалектики*. Здоровая, натуральная диалектика есть “мышление о мышлении” – Логика, и ничто иное. В этом отношении Ильенков – прямой антагонист Лукача.

Делла Вольпе параллельно с Ильенковым разрабатывал “положительную науку” логики [Делла Вольпе, 1950], в которой нет места выведению конкретного из “всеобщих законов бытия”. Дурная манера подменять конкретно-научное исследование “онтологическими” спекуляциями ведет к “превращению марксизма в метафизику, характерному для большей части современного диалектического материализма”, как отмечал в предисловии к итальянскому изданию первой книги Ильенкова Лючио Коллетти [Коллетти 1961, XXII].

Книга эта была написана в 1956 г. и поначалу называлась “Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении”. Однако “кредитная история” автора – репутация еретика, изгнание из МГУ и распространение идей Лукача накануне венгерских событий – чрезвычайно осложняла путь книги в печать. Да и текст ее действовал на диаматчика как красная тряпка на быка. Академик П.Н. Федосеев, тогдашний директор Института философии АН СССР, где работал Ильенков, ознакомившись с версткой, велел рассыпать набор.

Вскоре после этого рукопись оказалась на Западе, в миланском издательстве Feltrinelli. Без ведома автора? Так утверждал сам Ильенков, но в те времена сознаться в отправке своей работы за рубеж, да еще в издательство, где вышел “Доктор Живаго”, значило поломать себе жизнь. По словам А.В. Потёмкина, друга Ильенкова еще со студенческих лет, “Диалектику” похитил итальянец Арриго Леви (Arrigo Levi), московский корреспондент *Corriere della Sera*. Впоследствии – лауреат престижнейших журналистских премий, кавалер Большого креста ордена “За заслуги перед Итальянской Республикой”. С трудом верится, что такой человек мог выкрасть рукопись, а западный издатель – опубликовать ее без разрешения автора. Тем более, что Ильенков не один год еще продолжал дружить с Леви³.

Правдоподобнее звучит рассказ В.А. Лекторского: “Как раз через пятнадцать лет после смерти Эвальда Васильевича я на одном мероприятии познакомился с итальянским профессором. Он рассказал мне, что имеет прямое отношение к тому, что произошло в свое время между Фельтринелли и Ильенковым. В конце 1950-х гг. этот итальянец был студентом философского факультета МГУ, молодым коммунистом. Ильенков выступил перед студентами. Итальянцу показалось интересным то, что он услышал, и он напросился домой к Эвальду Васильевичу, чтобы обсудить некоторые вопросы. Ильенков рассказал, что закончил книгу, которая должна скоро выйти. Студент попросил Эвальда Васильевича дать ему для внимательного прочтения машинописный экземпляр. Когда молодой итальянец прочитал книгу, он пришел в восторг и послал текст в издательство Фельтринелли.

Там книгу перевели и стали готовить к публикации по-итальянски. Ильенков к этому времени уже узнал, что готовится итальянское издание книги, но отнесся к этому спокойно, так как знал, что скоро книга должна выйти в нашем издательстве. И тут вдруг скандал с Пастернаком... Этого итальянца, о котором я говорю, зовут Витторио Страда. Он крупнейший в Италии специалист по истории русской культуры. В 1990-е гг. работал атташе Итальянского посольства в Москве". Когда начались страсти по Пастернаку, Ильенков добровольно явился в партбюро Института и поведал о положении дел. "Его заставили написать письмо в Италию, отказаться от издания там книги, объявили ему партийный выговор и рассыпали набор книги. Ильенков попал в больницу, потом в санаторий (я к нему туда ездил)"⁴.

В конце концов книга все же была напечатана. На дарственном экземпляре своему другу Коровикову измученный автор подписался "Едвальд". К тому времени Ильенков, под натиском начальства и дюжины рецензентов, переписал и сократил работу примерно на треть, убрав самые "гегельянские" места и критику в адрес формальной логики. Кое-что новое дописал, поменял и название: "Диалектика абстрактного и конкретного в "Капитале" Маркса" (М., 1960).

В следующем, 1961 г. вышел и итальянский перевод. Автор предисловия Лючио Коллетти тогда был еще не особо известен (они с Ильенковым ровесники, 1924 г. рождения). Три года спустя, в 1964 г. он выйдет из Коммунистической партии и в конце концов делается радикальным критиком марксизма а ля Карл Поппер⁵. Но в 60-е гг. Коллетти еще пытался очистить марксизм от пагубного влияния гегелевской диалектики.

В пространном тексте Предисловия (52 страницы!) излагаются взгляды Коллетти на диалектику и Марксову теорию стоимости. От критики в адрес Гегеля Коллетти переходит к критике "архаичной и противоречивой метафизики" диамата – на примере работ советского философа Марка Розентала о логике "Капитала" – и лишь в самом конце уделяет 4 страницы комментарию к книге Ильенкова. Оценка весьма положительна: "нельзя не заметить честность и оригинальность исследования Ильенкова, несмотря на несколько схоластическую прямоту его слога" [Коллетти 1961, LVI].

Коллетти выражает надежду, что Ильенков не одинок и эта книга лишь первая ласточка "молодой советской школы марксизма", в которой совершается "возвращение к серьезному анализу работ Маркса". "Из этих авторов молодого поколения Ильенков, по ряду соображений, кажется нам наиболее интересным. Прежде всего потому, что в его книге ставится проблема "логики" "Капитала", которой не уделялось должное внимание в марксистской литературе вообще и в Советском Союзе в частности. Во-вторых, потому, что его исследование охватывает те самые темы, с которыми уже давно и прочно связана линия развития теоретического марксизма в Италии: тема детерминированных, или исторических, или конкретных абстракций в работах Маркса" [Там же].

Коллетти имеет в виду линию, прочерченную его учителем Делла Вольпе. Гегелевским "общим абстракциям" (*astrazioni generiche*) Делла Вольпе противопоставил "абстракции детерминированные или исторические" (*astrazioni determinate o storiche*), генезис которых Маркс исследовал в знаменитом "Введении" к *Grundrisse*. Ильенков именовал их "конкретными абстракциями". Если формальная абстракция схватывает лишь сходство, общие признаки вещей, то конкретная абстракция фиксирует конкретную взаимосвязь вещей в качестве моментов единого целого. Благодаря этим высшим абстракциям разрозненные поначалу факты как бы "срастаются" в органическое целое, в "тотальность".

"Мыслить абстрактно – это вовсе не достоинство, а, наоборот, недостаток. Вся хитрость в том, чтобы мыслить конкретно, чтобы выражать через абстракции конкретную, специфичную природу вещей, не просто сходство, не просто общее между различными вещами" [Ильенков 1997, 396].

Для теоретического осмысления каждой исторической эпохи требуется свой, особый ассортимент абстракций, выражающих простейшие общественные отношения данной эпохи. Такие абстракции Маркс называл "практически истинными" (*praktisch wahr*). Тем самым, по мнению Делла Вольпе, Маркс сумел "сделать из философской логики экспериментально-историческую науку" [Делла Вольпе 1972–1973, 553]. Делла Вольпе и ранний

Коллетти видели в Марксовой реформе логики *отказ* от гегелевской диалектики, Ильенков же трактовал ее как *материалистическое переосмысление* диалектического метода восхождения к конкретному, который был открыт Гегелем. Что согласуется и с заявлением самого Маркса, “открыто объявившего себя учеником этого великого мыслителя” в “Послесловии” ко второму изданию “Капитала”.

Ильенков отчасти соглашается с критикой Коллетти в адрес Гегеля: диалектические формулы не следует превращать в “априорные схемы”, подменяя ими исследование конкретных процессов и явлений действительности. Этот первородный грех идеалистической диалектики разделяют с Гегелем и корифеи “диамата” (Ильенков называет три имени: Плеханов, Сталин и Мао Цзэдун). Как следствие, марксистская диалектическая логика вырождается в *онтологию* – в сумму примеров и силлогизмов, где в роли большой посылки выступает тот или иной “всеобщий закон диалектики”, а в роли малых посылок – данные опыта и “частных” наук.

“Можно понять тревогу Л. Коллетти – идеалистическая диалектика действительно чревата таким неприятным последствием, как высокомерно-пренебрежительное отношение очарованного ею ума к миру реальных вещей вообще, к миру эмпирически данных фактов, событий, явлений” [Ильенков 1991, 123]. Именно за это критиковал Гегеля молодой Маркс. *Дело логики* не должно заслонять собой *логику дела*. Это хорошо понимают и всячески подчеркивают Ильенков и Коллетти. Тут они выступают заодно против Гегеля и диамата. Вот почему Коллетти видит в Ильенкове союзника и “одного из наименее гегельянских” советских философов, несмотря на то, “что он (как это ни парадоксально) демонстрирует превосходное знание “Большой Логике” [Коллетти 1961, LVII–LVIII].

Но все же Ильенков не до конца порывает с диаматом и Гегелем, утверждает Коллетти. В его книге сохраняются не искорененные пережитки гегельянства, прежде всего – утверждение объективной реальности противоречий. В этом пункте Коллетти расходится с Ильенковым принципиально и непримиримо. Последний, со своей стороны, расценивает полный запрет противоречий в научном мышлении как атавизм формальной, аристотелевско-схоластической логики.

«В конце концов всегда оказывается, что попытки построить теорию, в которой не было бы противоречий, приводят к нагромождению новых противоречий, но только еще более нелепых и неразрешимых, нежели те, от которых по видимости избавились. <...> Диалектический метод, диалектическая логика обязывают не только не бояться противоречий в теоретическом определении объекта, но прямо и непосредственно требуют целенаправленно отыскивать и точно фиксировать эти противоречия. Но не для того, разумеется, чтобы нагромождать горы антиномий и парадоксов в теоретических определениях вещи, а для того, чтобы отыскать их рациональное разрешение. А рациональное разрешение противоречий в теоретическом определении может состоять только в том, чтобы проследить тот способ, которым они разрешаются *движением самой предметной, объективной реальности, движением и развитием мира вещей “в себе”*» [Ильенков 1960, 232–233].

В современной западной литературе иногда можно встретить весьма высокие оценки “Диалектики абстрактного и конкретного”. Так, в статье “Ильенков” для “Биографического словаря философов XX столетия” известный знаток советской философии Джеймс Скэнлан констатирует, что эта книга “сделалась своего рода учебником для подрастающего поколения”, а ее автор заслужил репутацию “самого влиятельного советского исследователя диалектического метода Маркса в постсталинский период” [Биографический словарь 1996, 362].

Автор и редактор книг по немецкой классической философии Нектариос Лимнатис (Кипр – США) отмечает, что Ильенков положил начало исследованиям диалектики “Капитала”, которые вскоре продолжились в немецкоязычной (R. Bubner, H.J. Krahl, F. Kuhne, R. Meiners, G. Quass, J. Zelený), а в последние четверть века и в англоязычной и французской литературе (M.E. Meaney, F. Moseley, T. Smith, H. Uchida, R. Fausto). Время показало правоту Ильенкова в споре с Коллетти: “Гегельянский характер Марксова *opus magnum* в наши дни общепризнан” [Там же, 351–353].

Кроме того, по мнению Лимнатиса, Ильенков предлагает “безоговорочно лучшее истолкование противоречия в мировой литературе”, равно как и “наилучшее, самое исчерпывающее, хотя и прискорбно недооцененное истолкование” понятий абстрактного и конкретного у Гегеля [Лимнатис 2008, 109, 299].

В середине 60-х Ильенков принимает участие в Гегелевских конгрессах в Зальцбурге и Праге и получает приглашение на симпозиум “Маркс и западный мир” в университет Нотр-Дам. В Америку Ильенкова не пустили, однако текст был все же выслан и напечатан в сборнике материалов симпозиума [Ильенков 1967, 391–407].

Во всех трех его западных докладах речь идет об отчуждении, создаваемом общественным разделением труда, и об условиях его ликвидации. Отчуждение при социализме *есть, существует*, настаивает Ильенков. Учрежденную в результате социалистической революции форму собственности Ильенков посчитал всего-навсего “*формально-юридическим отрицанием*” собственности частной. Иными словами, собственность социалистического государства является “общественной” лишь формально, в чисто юридическом отношении. Реально же, в экономической практике социалистическая форма собственности по-прежнему оставалась *частной*. Реальное снятие отчуждения есть процесс превращения частной собственности “в реальную собственность *каждого индивида, каждого члена* этого общества”. А вовсе не сводится к монополизации общественной собственности *государством*, этим “безличным организмом, противостоящим каждому из составляющих его индивидов” [Там же, 106].

Подобные пассажи не имели шансов пройти цензуру и были вычеркнуты из текста американского доклада. Организаторам симпозиума сообщили, что Ильенков не сможет приехать ввиду его “госпитализации”.

Из текста пражского доклада “Гегель и отчуждение” видно, что Ильенков следил за бурными дискуссиями европейских философов на эту тему. Однако его попытки принять в них участие не удалась: рукописи, в которых он отвечает на критику Коллетти, полемизирует с Адорно и Маркузе, с польским философом Адамом Шаффом, при жизни Ильенкова не были напечатаны⁶. Цензура наглухо блокировала его попытки вступить в диалог с европейским философским сообществом.

Впрочем, Ильенков вряд ли смог бы вписаться в генеральный “тренд” эволюции марксистской мысли. По всей вероятности, в те годы он и на Западе остался бы аутсайдером. Западные законодатели марксистской моды отрицали диалектику ради формальной логики или же пытались примирить диалектику с формальной логикой, изгоняли диалектику из природы и ограничивали сферу ее применимости “общественным бытием”.

Для Ильенкова формальная логика – наука о знаково-символических формах выражения мысли. В области языка законы формальной логики работают безупречно, “но говорить не значит мыслить, – в противном случае величайший болтун был бы величайшим мыслителем” [Фейербах 1846, 199]. Ильенков часто цитировал эти “грубоватые, но совершенно справедливые” слова Фейербаха. Диалектическая логика учит *добывать мысли*, а формальная – лишь *правильно выразить их*. Диалектика есть метод познания вещей; логика формальная знает о реальных вещах не больше, чем арифметика о числе звезд в небе.

В 60-е гг. Ильенков – одновременно с Луи Альтюссером и плеядой его молодых последователей (Р. Macherey, А. Matheron, Е. Balibar, В. Rousset и др.) – начинает разрабатывать *тему Спинозы* как предтечи Маркса. Оба, Ильенков и Альтюссер, больше всего ценят в Спинозе стремление *мыслить конкретно*, и оба критикуют гегелевскую диалектику за “мистификацию” отношений между абстрактным и конкретным, идеальным и реальным. Но если французские марксисты искали в текстах Спинозы противоядие от гегелевской диалектики, то Ильенков вписывает имя Спинозы в историю диалектической логики в одном ряду с Гегелем и Марксом.

С 80-х гг. на Западе растет волна популярности Л.С. Выготского с его культурно-исторической теорией формирования личности. Ильенков разделял и развивал эту теорию. Большинство его поздних работ посвящены как раз проблемам психологии и педагогики⁷, начиная с общих понятий психики и личности и заканчивая методикой воспитания слепо-

глухих детей. Среди тех, кто знает и ценит труды Ильенкова, на Западе больше психологов, чем философов. Ссылки на Ильенкова постоянно встречаются в работах по “культурно-исторической теории деятельности”, особенно у финских исследователей школы Юрьё Энгстрёма⁸. Хотя глубина понимания идей Ильенкова западными психологами пока что, скажем так, не особенно впечатляет.

В конце XX столетия в Кембридже и Хельсинки вышли два посвященных его творчеству тома [Бэкхерст 1991; Ойттинен (ред.) 2000]. В них преобладает оценка с позиций аналитической философии, о которой сам Ильенков отзывался не иначе, как с презрением, и, не стесняясь в выражениях, критиковал. Тем не менее в этих книгах впервые был начат серьезный и достаточно глубокий диалог западных философов с Ильенковым и его последователями в России. Диалог этот был продолжен на страницах посвященных Ильенкову номеров журналов “Studies in East European Thought” (2005, vol. 57) и “Russian Studies in Philosophy” (2010, vol. 48) и на ежегодных Ильенковских чтениях, в которых не раз принимали участие ученые из Германии, Финляндии, Великобритании, Канады и США.

Наиболее авторитетными западными экспертами по философии Ильенкова сегодня являются Веса Ойттинен (Хельсинкский университет) и Дэвид Бэкхерст (университет Квинс, Канада). Высоко ценит труды Ильенкова такой известный британский философ-марксист, как Шон Сэйерс: “Ильенков редко упоминается в существующей (западной. – А.М.) литературе по советской философии. А между тем он самый важный и оригинальный советский философ послевоенного периода. Он развивает гегельянскую и диалектическую версию марксизма, сохраняющую свою значимость и интерес”⁹.

В издательстве “Брилль” только что вышел английский перевод полной версии “Диалектики идеального” с комментариями и новой порцией исследований на ту же тему [Диалектика идеального 2014]. В том же издательстве готовится к печати том английских переводов работ Ильенкова о Гегеле. В Латинской Америке в последние годы один за другим появляются свежие переводы его трудов на испанский и португальский. Похоже, они становятся классикой уже не только советской, но и мировой марксистской философии.

ЛИТЕРАТУРА

Бэкхерст 1991 – *Bakhurst D. Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy: From the Bolsheviks to Evald Ilyenkov.* Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Биографический словарь 1996 – *Biographical Dictionary of Twentieth-Century Philosophers.* Ed. by Stuart C. Brown, Diane Collinson, Robert Wilkinson. London: Routledge, 1996.

Делла Вольпе 1950 – *Della Volpe G. Logica come scienza positiva.* Messina: D’Anna, 1950.

Делла Вольпе 1972–1973 – *Della Volpe G. Opere, 6 voll. A cura di Ignazio Ambrogio.* Roma: Editori Riuniti, 1972–1973, vol. 4.

Диалектика идеального 2014 – *Dialectics of the Ideal. Evald Ilyenkov and Creative Soviet Marxism.* Leiden, Boston: Brill, 2014.

Зейдель, Ильенков, Науменко – *Зейдель Г., Ильенков Э.В., Науменко Л.К.* Георг Лукач, “Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества” // Вопросы философии. 1956. № 5.

Ильенков 1955^a – *Ильенков Э.В.* О диалектике абстрактного и конкретного в научно-теоретическом познании // Вопросы философии. 1955. № 1.

Ильенков 1955^b – *Ilenkov E. Dialettica di astratto e concreto nella conoscenza scientifica.* (Questioni teoriche). Traduzione di Ignazio Ambrogio // *Critica Economica.* 1955. 3 (giugno).

Ильенков 1960 – *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса. М., 1960.

Ильенков 1967 – *Il'enkov E.V. “From the Marxist-Leninist Point of View”, Marx and the Western World.* Ed. by Nicholas Lobkowitz. London: University of Notre Dame Press, 1967.

Ильенков 1984 – *Ильенков Э.В.* Что же такое личность? // С чего начинается личность. М.: Политиздат, 1984.

Ильенков 1991 – *Ильенков Э.В.* Вершина, конец и новая жизнь диалектики (Гегель и конец старой философии) // Философия и культура. М., 1991.

Ильенков 1997 – *Ильенков Э.В.* Понимание абстрактного и конкретного в диалектике и формальной логике // Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: Росспэн, 1997.

Коллетти 1961 – *Colletti L. Prefazione* // Ильянков Е.В. *La dialettica dell'astratto e del concreto nel Capitale di Marx* (traduzione dal russo di Vittorio Strada e Alberto Sandretti, introduzione di Lucio Colletti). Milano: Feltrinelli, 1961 (ristampa 1975).

Лимнатис 2008 – *Limnatis N. German idealism and the problem of knowledge: Kant, Fichte, Schelling, and Hegel*. Dordrecht: Springer, 2008.

Лукач 1987 – *Лукач Г. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества*. М.: Наука, 1987.

Лукач 1991 – *Лукач Г. К онтологии общественного бытия*. М., 1991.

Мареев 2008 – *Мареев С.Н. Из истории советской философии: Лукач – Выготский – Ильенков*. М.: Культурная революция, 2008.

Маркс, Энгельс 1955 – Маркс К. Энгельс Ф. Соч., т. 1. М., 1955.

Ойттинен (ред.) 2000 – *Oittinen V. (ed.) Eevald Ilyenkov's Philosophy Revisited*. Helsinki, 2000.

Ойттинен 2005 – *Oittinen V. Foreword* // *Studies in East European Thought*. 2005. Vol. 57.

Сэйерс 1992 – *Sayers S. Review of Bakhurst D. Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy* // *Canadian Slavonic Papers*. 1992. Vol. 34. № 1–2.

Тамбози 2001 – *Tambosi O. Perché il marxismo ha fallito. Lucio Colletti e la storia di una grande illusione*. Milano, Mondadori, 2001.

Фейербах 1846 – *Feuerbach L. Sämtliche Werke*. Leipzig, 1846, Bd. 2.

Примечания

¹ “Не было дня, чтобы он не слушал Вагнера даже тогда, когда он стучал на машинке, – вспоминает его жена. – На ночь вместо беллетристики он читал партитуру вагнеровских опер” (Эвальд Васильевич Ильенков в воспоминаниях. М.: РГГУ, 2004).

² «В апреле 1954 г. на факультете появились тезисы молодых преподавателей кафедры истории философии зарубежных стран Коровикова и Ильенкова на тему: “К вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития”, явившихся как бы итогом тех извращений, которые давно вызревали в стенах философского факультета» (Отчет об итогах проверки философского факультета МГУ. Подписан зав. Отделом науки и культуры ЦК КПСС А. Румянцевым. См.: www.caute.tk/ilyenkov/biog/ck.html).

³ В архиве Потёмкина сохранилось фото 1964 г.: Леви в компании Ильенкова отправляется на прогулку в Подмоскowie. См. www.caute.tk/ilyenkov/arch/avp1964a.jpg (последние двое на фотографии – Леви и Ильенков).

⁴ О жизни и философии. Беседа Б.И. Пружинина с В.А. Лекторским // *Вопросы философии*. 2012. № 8.

⁵ Об эволюции взглядов Коллетти см. [Тамбози 2001].

⁶ См. его статьи “Вершина, конец и новая жизнь диалектики”, “Гегель и “отчуждение”», «О “сущности человека” и “гуманизме” в понимании Адама Шадфа», в кн.: [Ильенков 1991].

⁷ На английском языке вышел сборник этих работ Ильенкова (см. *Journal of Russian and East European Psychology*, vol. 45, no. 4, 2007), а также большая рукопись “Психология” (*Russian Studies in Philosophy*, vol. 48, no. 4, 2010, pp. 13–35).

⁸ Yrjö Engeström – глава Центра теории деятельности и развивающей педагогики при Хельсинкском университете (University of Helsinki, Center for Activity Theory and Developmental Work Research).

⁹ “Ilyenkov receives barely a mention in the existing literature on Soviet philosophy. Nevertheless, he is the most important and original Soviet philosopher of the postwar period. He develops a Hegelian and dialectical interpretation of Marxism which is of enduring relevance and interest” [Сэйерс 1992].